

An illustration of a woman with long, flowing red hair and a blue dress, reaching up to touch a white, ornate mask hanging from a tree branch. The scene is set in a dark forest at night, with a large, bright full moon in the background. A large, gnarled tree trunk is on the left, and a fire burns brightly at its base. In the distance, a castle with many spires is visible against the night sky. The overall mood is mysterious and magical.

Вера
Шахова

Огни костров
Сбари

Вера Шахова

Огни костров Свари

«Автор»

2026

Шахова В. А.

Огни костров Свари / В. А. Шахова — «Автор», 2026

«Огни костров Свари» вторая в цикле про приключения Лисы. Первую можно прочесть на портале называется «Затмение». Книга, которую надо воспринимать как сны. Для любящих миры, где магия соседствует с уютными кофейнями, героини вместо пафосных речей сыпят шутками и иронией. В волшебном городе Абра, накануне праздника Свари похищают хранительницу равновесия между мирами. И теперь, чтоб уберечь миры от разрушения Лисе необходимо пройти древнюю инициацию, подружиться с тёмной богиней и встретиться лицом к лицу с собственной тьмой. Впереди — путешествия в изнанку миров, соблазн всевластия и встреча с тем, кого она меньше всего ожидала увидеть...Здесь будут: магические ярмарки, любовь и смерть, спящие в пирогах гномы, чёрные коты, и, конечно, старый добрый вопрос: как найти себя между светом и тенью, не потеряв тех, кто дорог. И о том, что иногда настоящий дом — это не место, а люди, которые готовы за тобой прыгнуть в бездну. Все рисунки и обложка авторские, нарисованы лично мной.

© Шахова В. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Вера Шахова

Огни костров Свари

Глава 1

Когда в последний раз вы слышали о том, чтобы кто-то украл Хтонь? Нет, не просто какую-нибудь магическую субстанцию или реликвию – я говорю о древней хранильнице очага, о той самой Хтони, что веками оберегает баланс между мирами. Не особо добрую – скорее, суровую и непредсказуемую, но тем не менее любимую бабушку моего друга Хёси, пекущую пироги с капустой так, словно каждая булочка – это кусочек души.

И вот случилось самое ужасное – её украли. Бабулю, носящую сказочное имя – Яргли. Нет, конечно, мы не сразу подумали о плохом. Мало ли дел у старушки, в чьём ведении равновесие миров? Может, новый грибной пантеон создаёт, а может, варит варенье из малины, способное вернуть веру в самого себя с первой ложки. Но вот не ответить на зов внука она точно не могла. Хёси всю ночь носился между реальностями, но не учуял даже запаха дари Яргли, и теперь с поникшим видом сидел у меня в гостиной и пил чай вёдрами, в попытке успокоиться, пока я пыталась сообразить, кто вообще мог на такое решиться. Похитить бабушку Яргли! Это же смертный приговор без права на обжалование! Но, в первую очередь, меня заинтересовал вопрос: как? Ответ на него, видимо, надо было искать в теневых кругах могущественных бес-смертных – тех, кто не мог понять природу старушки и потому яро завидовал её силе. И когда? В канун праздника Св́ари!

В Абре, городе, где реальность переплелась с завораживающими легендами, окружённом вековыми лесами и окаймлённом магическими барьерами, праздник Св́ари – это не просто торжество: это магический ритуал, объединяющий всё живое в единое целое. В ночь перед торжеством улицы наполняются ароматами редких трав и древних эликсиров в крошечных чашах, которыми мастера украшают свои лавки. По древним поверьям, в этот день магия достигает своего пика, позволяя любому, кто способен её уловить или хотя бы заметить, осуществить самые заветные желания – насколько бы безумными они не были.

В самый разгар праздника, когда луна откинет покрывало облаков и озарит городок холодным светом, начнётся сооружение всевозможных магических инсталляций – фонтанов из разноцветных искр, откроются таинственные порталы в иные измерения и поднимутся из воды зеркала с прозрачными изображениями прошлых эпох. Люди и существа, живущие в границах Абры, объединятся в ритуалах, посвящённых гармонии, силе и знаниям.

Однако за красотой и таинственностью этого праздника скрывается и тёмная сторона. Старинные рукописи рассказывают о том, что магия Св́ари – это не только источник сил и вдохновения, но и опасная сила, способная разрушить всё, если её неправильно использовать. Если некто, ведомый любопытством, нарушит ритуал, то торжество процветания сменится тьмой, и будет она царствовать до полного разрушения баланса между магией и реальностью. А равновесие – как раз сфера ответственности похищенной бабушки Яргли. Так что действовать надо быстро. При этом все наши друзья-хранители недавно отправились в ледяные болота ловить очередного ополоумевшего мага, так что вся надежда была только на нашу с Хёси смекалку и немного везения. Хотя, кому я вру, мы с ним чертовски везучие! Хотя я и предпочла бы переложить эту задачку на плечи железного Йоки, чья выдержка потихоньку ржавела в болотах...

Да, прошу прощения, я не представилась, если кто ещё не знает, меня зовут Л́иса (с ударением на «и»). А Абра – город, в котором магия растворена в воздухе с такой же непринуждённостью, с какой люди в Москве растворяют кофе без кофеина. Планируя просто пройти по улице, вы рискуете оказаться на вечере поэтов в шкафу у местного алхимика или сразиться

в дебатах о смысле бытия с говорящей лампочкой. Хотя большинство людей и существ сами отказались от магии в пользу спокойной жизни, при этом с удовольствием пользуются плодами волшебства, расплачиваясь дари – таким аналогом денег. Это субстанция, заключённая в счётчик на часах, на которую обычные люди, не маги, получают помощь во врачевании или иную услугу, оказываемую магами, ведьмами и прочей нечистью (или не нечистью), но при этом обладающими силой. Ещё дари может дать своему владельцу немислимо долую, почти вечную жизнь – пока тому не надоеет или физически владельца дари не сотрут в порошок. И да, у каждого человека дари пахнет по-своему.

Казалось бы, в чём проблема – найти потерявшуюся Хтонь по запаху? Вот только как это сделать, когда ни одна узкая улочка, ни одно дерево, ни один листочек, ни даже порыв ветра не сохранили аромат? Ни на одном камне мостовой не осталось ни следа, ни воспоминания, даже тени – и те пожимали плечами, хотя от этих товарищей вообще невозможно что-либо скрыть. Как искать пропавшую, когда все признаки, казалось бы, исчезли чисто физически?

Что ж, значит, мы с Хёси обязаны были решить эту загадку за...

– Хёси, а сколько времени длится этот праздник Св́ари? – спросила я, обнимая друга за плечи.

– Ровно неделю, – ответил Хёси, сжимая кружку с такой силой, что побелели костяшки. Я, на месте кружки, уже бы рассыпалась в пыль, но она молодец: просто вытекла из ладоней и, шлёпнувшись зелёной кляксой об пол, удрали под шкаф.

– Опять попадёт от сестры, – вздохнула я. – Пропаж бабушки не повод наводить беспорядок в доме.

– В доме?! – взвился под потолок Хёси. – Да через неделю весь город может в руинах оказаться!

– Тогда нечего сидеть, пошли искать! – скомандовала я, решительно замотав волосы в пучок и закрепив его двумя карандашами.

– Если бы знать, где... – спустился с потолка Хёси. – Я всё обыскал.

– А дом, в её доме ты был? – не сдавалась я.

– Пошли! – взял меня под локоть Хёси. И таким он мне понравился гораздо больше, чем минуту назад. Уверенный, собранный, сосредоточенный и страшно спокойный. В таком состоянии мой друг способен сам разрушить город и воссоздать его заново настолько быстро, что я не успею даже зёрен намолоть на одну крошечную чашку кофе. Но именно сейчас он мне такой и нужен для решения этой задачи. Я знала: если быстро не найдём старушку, последствия разорвут ткань мира на части.

И наш общий долг – не только вернуть хранильницу, но и убедиться, что больше никому не придёт в голову соревноваться с её силой. Ведь в этой игре ставки – не только магия, но и судьба всего существующего.

Значит, вперёд – в лабиринт неизвестности, где каждая тень таит опасность, а каждый шаг может стать последним. Время играло против нас. Всё, что мне оставалось, – надеяться, что древняя хтонь, где бы она сейчас ни была, в своей твёрдости и хитрости всё-таки сможет найти дорогу обратно.

Несясь следом за Хёси, в очередной раз влюблялась в этот город. В узкие улочки, мощённые медового цвета камнем, разноцветные крыши домов, скрывающиеся в тени деревьев фигурки хранителей, сплетённые из лозы. Абра полон нежности, мостов и волшебства. Его каналы, словно серебряные нити, отражают в своих водах небесную лазурь и золотые отблески старинных фонарей. Воздух пропитан лёгким ароматом кофе и свежей выпечки, доносящимся из уютных кафе, примостившихся на набережной. И даже несмотря на то, что в тот день мы спешили и времени на прогулку не было, я всё равно успевала крутить головой по сторонам, замечая узловатое дерево на углу и сидящую в его ветвях девчонку, ловко обстреливающую

плодовыми косточками мальчишку в пекарском колпаке. Подозреваю, что пропавшие с кухни вкусы уже не найдут.

Поворот, ещё один. Мы пробежали по мосту и оказались в старой части города. Здесь много зелени, и вообще она больше похожа на причудливую деревеньку, и это мне очень симпатизировало. Хёси устремился по песочной тропинке вверх по склону, я едва за ним успевала. Догнала, когда дух-хранитель, уже открыв калитку, нетерпеливо притоптывая, дожидался меня – слегка взмокшую и запыхавшуюся, чтобы представить дому.

– Это необходимо! – шепнул он мне на ухо, помогая залезть на табурет, только что установленный перед крыльцом. Пока Хёси рассказывал ступенькам, кто я такая и почему не стоит швырять в меня всевозможные охранные амулеты, я рассматривала резные украшения на окнах, печную трубу и венчающий её полукруглый дымник, на котором устроился страж в виде кованого чертополоха. Пахло яблоками, точнее, антоновкой, малиной и одуванчиками. Мимо проплыло мармеладное облачко слив. Да, такое могло быть только в ведьминском саду. И да, я конечно же тут же решила, что мне такой нужен!

Наконец мне разрешили громко представиться, пожелать добра этому месту и слезть с табуретки. Дом бабушки Хёси встретил тишиной и свалившейся на меня с потолка лягушкой, благодаря которой я побила все рекорды по прыжкам в высоту и взятию высоких нот. Ну и ещё парочку ругательств вспомнила, да. На что Хёси восхищённо щёлкнул языком, сказав, что давно уже никто не вспоминал этих древних божеств, за что дом явно будет мне благодарен и примет как родную. В подтверждение на меня свалилась ещё одна лягушка. Видимо, здесь примета такая: словил лягушку – будет тебе счастье. В моём мире на меня только голуби гадили. Впрочем, с таким же пророчеством.

Дом, снаружи казавшийся вполне скромных размеров, внутри оказался огромным. Чтобы его обойти, нужен проводник дня на два, а то и на три. Сквозь овальные арочные окна пробивался свет, играя на латунных деталях хитроумных механизмов. Бабуля явно не чуралась современных новинок. Стены покрыты живым мхом с вкраплениями крохотных белых колокольчиков. Гостиная совмещена с кухней таких размеров, что можно устраивать турнир по гольфу. Очаг из круглых камней облицован изразцами с изображением переплетающихся трав и астрономических символов. От него расходились трубы, словно артерии, обогревая помещение не только теплом, но и мягким светом встроенных ламп.

Травы повсюду: в подвесных кашпо, сплетающихся в живые гирлянды, в вертикальных садах, занимающих три стены из пяти, в аптекарских баночках на полках, любовно расставленных по принципу магических соответствий. Ароматы лаванды, розмарина, полыни смешивались с запахом меди и машинного масла, создавая уникальный, ни на что не похожий букет.

Центр гостиной занял старинный письменный стол, на котором возвышался сложный аппарат, сочетающий в себе функции телескопа, микроскопа и... кофеварки. Рядом лежала гора книг по ботанике, алхимии и механике, переплетённых в кожу с тиснением.

Не будучи знакома с хозяйкой, я уже заочно влюбилась в неё и представляла, как буду осаждать эту кухню с требованием рассказать кучу всего интересного, и точно знала, что мне не откажут. Это жилище истинное отражение своей хозяйки: интеллектуалки, травницы, механика, волшебницы, а такие не могут устоять перед моим обаянием.

– Стой! – услышала вопль Хёси, но было уже поздно: я сунула палец в кастрюлю, стоявшую на столе, и теперь, облизываясь, пыталась определить, что в ней такое наварено.

– Похоже на тыквенный суп с гренками, только очень острый, – расплылась я в улыбке.

– Ничего здесь не трогай! – зашипел Хёси, становясь похожим на растрёпанного кота. – У бабушки Яргли может быть что угодно в чашках, кастрюлях, колбах. Один раз вдохнёшь – и станешь очередной лягушкой, встречающей гостей!

– Чего? – усмехнулась я.

– Ква, – ответила за друга мне лупоглазая и полезла в кастрюлю с супом, за что была поймана за лапу и выкинута через окно в сад.

– Варёво ещё тёплое, значит, бабуля была здесь недавно! – заметила я.

– Это ничего не значит, – возразил Хёси, продолжая осматривать полки.

– Думаешь, твоя бабушка завалилась за книжку, словно лист от гербария? – не удержалась я от колкости.

– Надо найти секретаря, – отозвался Хёси. – Странно, что я сразу про него не подумал.

– А какой он?

– Похож на каминного гнома, с тем лишь отличием, что в каждую свободную минуту заваливается спать.

– Ну тогда я бы спряталась тут! – приподняла я полотенце с пирога, в центре которого, между крошек и миндальных лепестков, устроился крохотный человечек.

Спящий в пироге растрёпа сладко посапывал, почёсывал пятку и переворачивался на другой бок, накрываясь полкой кафтана. Хёси вздохнул, схватил человечка за шкурку, приподнял над столом и встряхнул. Я втайне радовалась, что процедуре «зашкирства» подвержена не только я.

– Фрр-р-р-р, – издал звук существо, на глазах раздуваясь до размеров футбольного мяча, обрастая перьями, отращивая парочку когтистых лап и внушительных размеров клюв, над которым засверкали недовольством круглые жёлтые глаза.

– Кто пос-с-смел нарушить мой покой? – зашипел филин и, ловко извернувшись, захватил клювом нос Хёси.

Я согнулась пополам от смеха, наблюдая за выражениями их лиц: ошеломлённым Хёси и виновато-растерянным птицы, осознавшей, кого она кусает.

– Извини, – встряхнулся, насколько это было возможно, висая в воздухе, филин. – Обознался. И вообще, сам виноват, нечего хватать немытыми руками.

– Где Яргли? – поставил птицу на стол Хёси и внимательно ощупал свой нос. Филин поёжился под взглядом хранителя города.

– Яргли... Она... Э-э-э... Улетела, – пробухтел он, прячась за сахарницей. – Давно. Пару часов как. Сказала, что хочет повидать мир, попробовать новых пирогов... Ну и фьють...

Хёси нахмурился. Яргли никогда не исчезала без предупреждения. А сейчас, накануне праздника Свари, когда откроются все границы, это было просто невозможно.

– И куда она изволила отправиться? – переставил на другой конец стола сахарницу Хёси, в голосе которого зазвенела сталь. Филин насупился, распушился ещё сильнее и недовольно пробурчал:

– Откуда я знаю? Я просто секретарь, мне не докладывают!

– Врёшь, – нахмурился Хёси. – Не могла Яргли не предупредить тебя! Так и скажи, проспал!

Филин совсем сник, став похожим на сдувшийся пернатый шарик.

– Ладно, ладно, – прошептал он. – Я соврал. Проспал. Объялся. Может, ещё найдётся? В смысле, хозяйка найдётся, не еда, – попытался прикрыть хвостом остатки пирога этот хитрец.

– Может, – вздохнул Хёси, падая в кресло. – Но это навряд ли. Если уж даже запах её дари стёрся, значит, стряслось что-то серьёзное. И совершенно не понятно, что делать.

– Пошли сообщение Акуре, – осознав, что ему ничего не грозит, начал приводить оперение в порядок филин.

– Уже, – почесал в раздумье лоб Хёси. – Они вернутся не раньше чем через три дня. Вся надежда на нас. Сам понимаешь, если ворота не закрыть...

– Нам крышка... – закончила за него птица.

– Так, – я дважды обошла вокруг стола, рассматривая стоящую на нём замысловатую конструкцию. – Сейчас вы говорите мне, где в этом доме достать кофе, потом рассказываете про праздник, и в последнюю очередь – почему нам крышка. Хотя нет. В последнюю очередь я хочу услышать про счастливый конец, а вот все настроения по типу «о боже, боже, мы все умрём» оставим для Стивена Кинга.

– Кого? – хором воскликнула эта парочка.

– Не важно! – пресекла я все ненужные расспросы. – Вначале кофе, после история и в конце хэппи-энд! Итак...

Я не успела договорить: дом тряхнуло так, словно он оказался внутри футбольного мяча, которым забивают пенальти. Нас перевернуло, раскачало и уронило по креслам, вручив каждому по кружке. Что было у этих двоих, не знаю, а у меня оказался самый лучший кофе за всю мою жизнь! И кусок пирога в придачу на красивом блюде.

– Ах ты ж мурчащая сыроежка! Как вообще это сделала?! – одновременно устались на меня Хёси и пернатый.

– Я? – чуть не подавилась от возмущения кофе. – Я тут вообще ни при чём! Оно само!

– Понятно, – пробурчал филин, вновь принимая облик пухлого человека. – Притащили ещё одну ведьму, и дом в восторге! Чего смотришь? Разве не понятно, что в человека вкусо-стей помещается больше, чем в птицу? – и в подтверждение своих слов широко раскрыл рот, отправив в него часть своего пирога.

– Этого старого ворчуна зовут Форка, – усмехнулся Хёси. – Вечно недоволен всем и вся, не обращай внимания. Просто дом тебе действительно рад, соскучился, давно ты его не навещала. Но об этом потом. Тебе действительно надо напомнить, что это у нас за праздник такой.

– Я сам! – тут же встрял в разговор Форка. – А то ты что-нибудь обязательно напутаешь! Меня слушай, девочка. Грядёт неделя посвящений и великой игры! Одни выберут свой путь, другие исполнят самое заветное желание, и всё это время будут открыты врата между мирами. Всё невозможное станет возможным, и только Яргли может уследить за всем и сохранить равновесие, не дать погаснуть звёздам и родиться тьме!

– Всё проще, – перебил секретаря Хёси, пока тот не начал рассуждать о бесконечности материй и рождениях вселенных. – Многие из детей, что ты вывела из зачарованного дома, оказались сиротами, и Яргли обещала во время праздника провести обряд посвящения, чтоб определить путь каждого. У Замри-горы есть поляна, на которой проходят великие игрища. Каждому игроку помогает дух ребёнка, которого на время испытания переодевают в белые одежды, окуривают дымом сон-травы и укладывают на специальный помост в горе. Вход закрывают большим камнем, чтоб никто не тревожил сны детей, а у входа зажигают костры и ставят стражей.

Ребёнка, чей игрок пройдёт через все испытания и получит главный приз, Яргли возьмёт себе в ученики. Он станет магом, хранителем или лекарем, как пожелает. Остальных распределяют по семьям в соответствии с талантами. Но если Яргли в последний день игрищ не закроет врата, то дети не смогут проснуться, а значит, укажут путь Мороку в наш город. И что-то мне говорит, что без него тут не обошлось.

– Наступило время истончения грани меж мирами, – снова перехватил нить разговора Форка, прихлёбывая что-то фиолетовое из кружки. – И если Яргли не вернётся, то придётся равновесие удерживать хранителям, и я ни им, ни нам не завидую, сразу говорю! Хотя, теоретически, Хёси может провести обряд и сам, сил хватит, я за порядком присмотрю, а вот куда тебя применить – ума не приложу!

– Яргли искать буду, пока вы тут из себя главнюков строите! – буркнула я. – А что за приз у игрока?

– О, это самое интересное! – оживился Хёси. – На вершине Замри-горы, в последнюю ночь Свари, зажигают костёр, из которого в облаке из искр поднимается маска, увенчанная рябиновой гроздью. Надевший маску получит всё, что пожелает: бедный найдёт клад, одинокий – любовь, обиженный утешится мстью врагам, а кто-то может даже занять место любого из хранителей и стать магом. Правда, таких желающих до сих пор не находилось.

– Не забудь про легенду, – перебил хранителя города Форка. – Если кто худое задумает, то будет мгновенно наказан самой судьбой. При этом маска меняет голос и внешность обладателя до неузнаваемости, превращая их в самых удивительных существ. Что, сама понимаешь, даёт немислимую власть над сущим.

– Итак, подытожим, – поставила я пустую кружку на стол и, встав с кресла, стряхнула с брюк крошки (тотчас проросшие зверобоем). – Пропала хранительница равновесия и ключей от врат между мирами накануне праздника Свари, и это грозит большими неприятностями. С одной стороны, в теории мы сами справимся, с другой – нам всем крышка. С чего начать поиски Яргли, не понятно, но при этом не всё потеряно. Учитывая всё вышесказанное, можно спокойно дожидаться, когда с ледяных болот вернётся Акура и всё порешает, а можно самим ввязаться в это приключение. И тогда Акуре придётся, скорее всего, спасти ещё и всех нас, по крайней мере меня. Но ему не привыкать. При этом вам есть чем заняться, а мне нет. Вывод?

Хёси с Форкой смотрели на меня не отрываясь и, даже, кажется, не дышали.

– Всё просто, – вздохнула я, подтягивая сапоги. – Вы устраиваете праздник, удерживаете на своих плечах все миры, вселенные и сыроежкины боги знают, что ещё, проводите игрища, инициации, выбираете победителя, а я, как всегда, сую свой любопытный нос во все щели в поисках бабули! Вот такой план.

– Надеюсь, в этот план входит твоё намерение выжить? – мрачно произнёс Хёси.

– В планах жить долго и счастливо! – рассмеялась я и, подбежав к Хёси, поцеловала его в макушку. – А теперь хватит рассиживаться, вы меня отвлекаете от расследования! Выметайтесь из дома, мне надо подумать! А вам – заняться делом!

И в подтверждение моих слов дом буквально выплюнул этих двоих за дверь...

Легко сказать: «Найду я вашу бабулю, фигня вопрос». Сложнее было сообразить, с чего начать. В голове роились обрывки мыслей, словно стая потревоженных воробьёв. Дом осматривать бесполезно – Хёси бы с порога учуял хозяйку. Сад – вот за что нужно было цепляться. Там больше простора, а значит, и возможностей что-то упустить. Может, найдётся обронённый платок, сломанная ветка, след на мягкой земле после дождя. Мелочи, из которых складывается большая картина, необходимая мне подсказка.

Через полумрак шепчущихся с ветрами деревьев, где свет просачивался сквозь листву, словно призрачное одеяло, я попала в удивительное место, полное умиротворения и колдовства. Вот это узловатое дерево у колодца – забвение. Роса, собираемая с его листьев, за секунду стирает из памяти тревоги и печали, подменяя воспоминания на светлую грусть о забытых снах. Рядом – пустая кованая клетка. Я ухмыльнулась, представив, как в неё запирают нашкодившего Форку.

Вдоль извилистых тропинок, обрамлённых светящимися грибами, распускались орхидеи, аромат их лепестков дурманил разум, уводя в мир грёз и кошмаров. В глубине сада, под раскидистой ивой, росли мандрагоры, их корни, напоминающие человеческие фигуры, способны вопить так, что не нужны никакие охранники. Очнёшься, только если бабуля из лейки живой водой польёт.

Даже не знаю, вспомнила я всё это только что или придумала – воображения мне не занимать, – но то, что в этом месте переплелись красота и опасность, жизнь и смерть, свет и тьма, не подлежало сомнению. Что-то, а учуять силу я способна не хуже хранителей. А здесь,

среди колдовских растений и каменных скульптур, ведьма черпает свою силу, создавая зелья, плетя заклинания, верша судьбы.

Скульптуры. Точно, надо спросить у них! Зря, что ли, Акура учил меня общаться с предметами, входить в их память. Хотя, при взгляде на некоторые здешние шедевры я начала подозревать, что это замаскированные мистические существа. По ощущениям, это древние колдуны, уставшие от вечной жизни или преследуемые незримым врагом, превратившие себя и своих соратников в камень, надеясь переждать бурю в безмолвии и неподвижности. В их застывших позах, в складках каменной одежды и в глубине высеченных глаз угадывалась затаённая энергия, спящая, но готовая пробудиться в любой момент.

Я уселась напротив одной из них, внимательно вглядываясь в каждую трещину. Чуяла, как по спине пробегает холодок, ощущала, что вот-вот изваяние шевельнётся, сойдёт с пьедестала, заговорит, раскрыв тайны давно ушедших эпох. Игра света и тени на камне создавала иллюзию движения, и казалось, лицо скульптуры меняется, отражая эмоции, скрытые глубоко внутри. Вот сейчас, ещё немного, надо только точно сформулировать вопрос и выбрать точку посылы. Вокруг каменного лица вились мотыльки. А что, если последовать за одним из них? Вот за тем, что сейчас отделился от сородичей и кружил возле куста шиповника, словно искра, упавшая с небес. Куда он меня приведёт? Может, к разгадке тайны? А может, он просто заблудился, и я стану его проводником, верну к своим сородичам, в хоровод светящихся точек над садом?

Решено. Я встала, сделала шаг вперёд, и светлячок, словно почувствовав мой интерес, начал медленно удаляться вглубь сада, петляя между деревьев. Пошла за ним, стараясь не отставать, продираясь сквозь заросли папоротника и спотыкаясь о корни деревьев. Мир вокруг наполнился шорохами, шепотками, едва различимыми звуками капавшей воды, и только светлячок впереди был моим ориентиром, моей путеводной звездой в этом непостижимом царстве.

Он вёл всё дальше и дальше, и вот, сквозь листву, скрывающую небо, я увидела слабый свет. Минуту спустя вышла на небольшую поляну, в центре которой стояла старая, покосившаяся беседка. А возле неё – силуэт женщины. Она стояла, глядя на луну, и в её глазах были тоска и надежда. Неужели это она ждала светлячка? И что это за история, которая привела её сюда, в эту глушь, в эту ночь?

Светлячок, словно выполнив свою миссию, подлетел к женщине и сел ей на плечо. Она вздрогнула, повернулась и посмотрела на меня с неподдельным интересом, улыбнулась. В её глазах я увидела отражение луны и звёзд и поняла, что этот светлячок привёл меня не только к ней, но и к частичке самой себя, которую я давно потеряла в суете дней. Незнакомка раскрыла ладонь и сдула с неё бабочку. Чудесная красавица села мне на нос, щекоча усиками бровь. И только я открыла рот, чтобы задать вопрос, как плечо обожгло огнём. Вздрогнула. И закричала от испуга так, что едва сердце не вылетело вместе со звуком. Оглянулась. Рядом стоял Йока, как всегда спокойный, сосредоточенный, невозмутимо ожидая, когда я наконец соображу, что по-прежнему сижу на земле перед каменным изваянием и мотылёк мне просто приснился. А вот прикосновение хранителя к моему плечу вывело из состояния небытия. И вот этого человека я называла своим другом! Чёрт, да я только что поседела, как минимум, на полголовы, – надеялась, что здешние цирюльники способны справиться с этой неприятностью.

– Прости, я опоздал, – Йока смотрел с такой неподдельной грустью, что я поневоле начала недоумённо моргать. Шок от боли прошёл, и я была готова броситься этому парню на шею от радости.

– Ты один, – встала я с земли, отряхнулась и улыбнулась так лучезарно, что солнце пристыженно спряталось в облаках. – Акура, Мира, мастер Ю? Вы вообще в курсе, что происходит? – выпалила я одной скороговоркой новости. – Бабушку Хёси украли! И никто не знает как! А вы поймали своего сумасшедшего мага? А какие они, ледяные болота?

Теперь, когда Йока был здесь, мне казалось, что неразрешимых вопросов нет. Этому парню стоило лишь щёлкнуть пальцами, как всё тут же вставало на свои места, а тех, кто заупрямится и не захочет вставать с первого раза, достанет Акура и всыплет так крапивой по крестцу, что те десять раз подумают, прежде чем не слушаться. В этом, да и во всех других мирах, не было ничего, что было бы неподвластно господину главному хранителю границ!

– Хёси прислал сообщение, – хмурился Йока. – Но мы даже предположить не могли, насколько это серьёзно! Ещё раз, прости!

– За что? – рассмеялась я и всё-таки повисла у него на шее. – Теперь всё будет в порядке, правда?

Йока молчал. Обнял, поцеловал в макушку и молча вывел из сада Яргли.

– Нас ждёт Акура. Нужно очень серьёзно поговорить, – наконец произнёс он, закрывая за мной калитку.

Глава 2

*Какая разница, почему небо падает на голову, ведь
упало уже, значит надо выстоять...*

– Ну и чего вы все такие мрачные? – отправила я в рот пирожок, пока Акура набивал трубку, Мира ковырялась в тарелке, не в силах решить, какой кусок подцепить на вилку, а Йока пытался обуздать зелёное свечение, означавшее наивысшую степень его ярости.

– Да, у меня во всё лицо проявилась татуировка бабочки, но это не повод меня хоронить! – следующий пирожок отправился в мой голодный рот. Всё-таки Громбул божественно готовил, и какое счастье, что он променял корону на кулинарию!

– По правилам игры, маги, колдуны, ведьмы, хранители и к ним причисленные не имеют права участвовать в обрядах Свари, – тёмно-лиловое колечко дыма взмыло под потолок. – Но ты рождена в мире, отрицающем волшебство, к тому же всё ещё считаешься пришлой. Я должен был это предвидеть! – Акура ударил кулаком по столу, отчего тот обиженно крикнул.

– Прошу не обижать мою мебель, – тут же материализовался рядом хозяин кафе, расставляя на столе пузатые горшочки, из которых шёл умопомрачительный запах.

– Прости, мой друг, – примирительно ответил глава хранителей. – Сам видишь, у нас непростая ситуация.

– Я всем сердцем буду болеть за Лису! Ты знаешь, я удачливый, если понадобится, отдам ей всю! – Громбул серьёзно взглянул на Акуру, а после повернулся ко мне и протянул изящный браслет, сплетённый из мелких белых колокольчиков, на ощупь оказавшихся очень твёрдыми.

– Это побег лакошки, – улыбнулся самой очаровательной улыбкой Громбул, и только уверенность в его искренней симпатии ко мне не позволила тут же в ужасе сбежать из кафе, теряя сапоги. – Они способны указывать путь в темноте. Давай, помогу его застегнуть.

Я протянула левую руку и в который раз отметила, как ловко управляется с мелкими предметами этот, казалось бы, неуклюжий на первый взгляд громила. Крохотная застёжка едва слышно щёлкнула, удерживая подарок на моём запястье.

– Это истинно королевское подношение, – встал с места Акура и галантно поклонился за меня.

– Я знаю, что гора не пропустит волшебные вещи, но это же просто цветы, верно? – хитро подмигнул мне Громбул и тут же посуровел. – А вы чего не едите? Остынет же! Неужто хотите прославить меня как никудышного кулинара?

– Обещаю, мой друг, – рассмеялся Акура, – даже крошки не оставим!

– То-то же! – вновь расцвёл в улыбке хозяин кафе. – И не переживайте, вас никто не подслушает! Я позабочусь об этом!

И, откланявшись, Громбул отбыл за стойку.

– Это хорошо, что вы вспомнили, что я в этом городе без году неделя и не знаю всех этих традиций, праздников и прочего, – видимо, поэтому мне до сих пор не страшно, – прекратила я разглядывать подарок, за который так и не поблагодарила от неожиданности. – Так что, может, поясните, чего такие мрачные?! Ну свалилось мне очередное приключение на голову, не в первой же! Подумаешь, поиграю немного в кладоискателя. Если повезёт – найду маску, а нет – тоже не страшно. Только вот с поисками Яргли вам придётся обойтись без меня. Я приключаться буду! Зато есть шанс попросить у маски вернуть хранительницу ключей от врат, ну если сами за неделю не управитесь!

– Я всё время забываю, что ты у нас как чистый лист, всё пояснять надо, – вздохнул Акура, запуская к потолку очередное дымовое колечко.

– Вся во внимании, – засунув в рот последний пирожок с тарелки, я потянулась за ароматным горшочком.

– Я так понимаю, что Хёси с Форкой частично рассказали про обряд, верно? – Акура посмотрел на меня так, что захотелось немедленно провалиться под землю, хотя я вроде бы ещё ничего плохого натворить не успела.

– Угу, – с усилием проглотила я кусок застрявшего в горле мяса.

– А то, что до вершины доходит только один игрок, сказали?

– Ну да, – кивнула я. – Логично, один приз – один победитель. Как говорится, кто первый встал, того и тапки.

– Единственный, оставшийся в живых, игрок. – глаза Акуры свирепо блеснули, и он тут же глянул на потолок, развеивая скопившуюся под ним лиловую дымку.

– А остальные? – в очередной раз поперхнулась я угощением.

– Случались года, в которые никто не доходил, – Йока наконец погасил зелёное пламя вокруг себя и теперь сидел мрачнее тучи. – А мы собирали с улиц пепел.

– Подождите, – отставила я в сторону пустой горшочек. – Но ведь у каждого игрока свой проводник из детей, который должен защищать, разве нет?

– По правилам игры, дух ребёнка сопровождает, подсказывает, но не может вмешиваться, – перестала наконец гонять еду по тарелке Мира и отставила её прочь. – Если хранитель не особо мудр или игрок неповоротлив, то шансов на победу нет. Запомни: всё забирает пара «хранитель – игрок», выживший игрок! И ещё ни разу не было такого, чтобы дева Замри-горы лично приходила за игроком и ставила на нём метку.

– Без Морока тут явно не обошлось. – Если бы от взгляда плавилась камни, то мы бы уже поплыли, настолько угрюм был Йока в этот момент.

– Неудивительно, что наш мнимый сумасшедший рассыпался в прах ровно в тот момент, когда лицо Лисы украсила печать! – пробурчала Мира, решившая наконец, что еда – лучшее средство от стресса, и отправила в рот огромный кусок мяса, предварительно побултыхав его в рыжем соусе.

– Всё, хватит меня хоронить! – хлопнула я ладонью об стол, и напитки сменили цвет. – Если продолжите сидеть в этом настроении, то я не доживу до начала игр, обнимусь с кондра-тием прямо здесь и сейчас! Так что давайте, рассказывайте правила, про деву горы, про духов и всё то, чего никогда не было – и вот случилось!

– Молодец, девочка, – усмехнулся Акура, вновь становясь похожим на начальника всех границ: обаятельного, ироничного и чертовски хитрого проныру с внешностью Джуда Лоу. Вот честно, вытащи его в мой мир – стал бы президентом с полпинка.

– Значит, так. В инициации участвуют двенадцать детей, всегда, не больше и не меньше, и сейчас они нас мало волнуют. Под них подбирается двенадцать игроков из людей, не владеющих магией. Дева горы сама отбирает их через состязания, что длятся уже месяц, – самых находчивых, сильных, выносливых и не замораживающихся на законности своих действий. Игра так устроена, что нужно иметь гибкость мышления, чтобы выжить. Для каждого игрока приготовлено шесть заданий. Каких – никто не знает. Ни один из выживших так и не рассказал, что происходит в игре, а дети-хранители утверждают, что не помнят ничего из своих снов. Так что у нас есть очень хороший шанс посмотреть через тебя, что же там творится.

Двенадцать игроков получают татуировку на лицо в виде определённого животного или птицы. Эти символы могут общаться с теми, кто остался болеть за героя по эту сторону. Передавать весточки в обе стороны.

Так как ты тринадцатая, дух горы согласился, чтобы мы сами выбрали тебе хранителя, и я решил, что им станет Йока. Надеюсь, ты не против.

Не против? Да я только что под потолок не подпрыгнула от радости. Этот парень уже несколько раз спасал мне жизнь, а значит, и из этой передрыги я вылезу живой и невредимой, ну может, только глаз подёргиваться начнёт, если всё так страшно, как пугают.

– Я бы сам пошёл, – продолжил Акура, не обращая внимания на моё сияющее, как медный пятак, лицо. – Но, увы, меня хоть залей зельями, а магия никуда не денется. Зато Йоку я могу вернуть в состояние сорванца. Он, конечно, даже в малолетстве был не подарок, но по большому счёту ещё и не умел ничего. Так что на духа-хранителя игрока сойдёт. Да и рассудительности ему никогда занимать не требовалось, уверен, справится с твоей неуёмной жадой всезнайки и не даст сунуть свой любопытный нос куда не следует. Больше, к сожалению, ничем помочь не могу. Твоя метка на лице – непреложный контракт, который может быть разорван

только в случае твоей смерти или считаться выполненным в случае победы. В любом случае, на закате ты войдёшь во врата, и игра начнётся.

– Что ж, до заката ещё куча времени, так что я пойду, пожалуй, прогуляюсь по городу, пока вы превращаете моего рыцаря в сопливого мальчишку! – наигранно весело, даже с вызовом, провозгласила я, вставая из-за стола, вот только голос в конце всё же предательски дрогнул.

Всё-таки у меня удивительно красивый город. Не уставала влюбляться в него всё сильнее: в набережную с набегаящими на берег волнами, в мощёные мелким камнем мостовые, в мосты, увенчанные горгульями, и воздушные шары над головой. Я закрыла глаза и подставила лицо солнцу. Вдохнула запах свежего хлеба из пекарни, смешавшийся с ароматом угля, задержала дыхание. Казалось, сейчас я счастлива. Странно: я, всю свою прошлую жизнь страдавшая от панических атак и уже в этом мире пару раз чуть не погибнув, сейчас совершенно не осознавала всю серьёзность ситуации, что вот уже минут двадцать мне пыталась втолковать шагавшая рядом Мира. Уму непостижимо, она уже успела проштудировать несколько библиотек и сейчас изливала на меня крохи собранной из свитков мудрости.

– Тебе может показаться, что игра длится больше года, тогда как здесь пройдёт ровно неделя. Искажения времени на той стороне – вполне нормальное явление. Никому, ни при каких условиях не называй своего имени! Помни, все остальные игроки тоже хотят победить, значит, не остановятся ни перед чем. Подозреваю, что у Морока будет свой человек в игре, никому не доверяй, кроме Йоки! Твоими союзниками могут быть только стихии, помни – ты ветер, и это твоё преимущество! Лиса! – сестра схватила меня за плечи и развернула к себе. Я открыла глаза и успела заметить, как Мира кусает нижнюю губу, чтобы успокоиться.

– Я хотела бы тебя защитить, но не могу. Прости! – она прижала меня к себе, подозреваю, что просто не хотела, чтобы я видела, как она хлюпает носом. Сестра привыкла всегда быть сильной и не привыкла проигрывать, а сегодня как раз тот день, когда невозможно повлиять на решение вселенной.

Я вырвалась и, схватив Миру за руки, начала кружить прямо посреди площади.

– Хватит меня хоронить! Да, небо рухнуло, но посыпать голову пеплом ещё рановато, ты не находишь? Так что продолжаем жить дальше! Бежать-то всё равно некуда! Улыбаемся и машем! Жизнь прекрасна, и, возможно, через неделю станет ещё краше! У меня есть шанс построить всё заново, так, как я всегда мечтала. Без оглядки на прошлое, без страха перед будущим. Просто жить и творить. Даже если небо решит упасть ещё раз.

Вокруг нас образовалось кольцо из любопытствующих. Нет, никто не хватал за полы одежды и не просил автографы, слишком силен был страх перед избранным, чей пепел, возможно, завтра будет лежать на этих камнях. Но мне было весело. Всё же хорошо быть мной! Не умею грустить больше пятнадцати минут и бояться больше десяти. Скучно становилось. Вот и сейчас, под неодобрительный взгляд Миры, уже понявшей, что затеяна очередная шалость, я притопнула левой пяткой и взвилась вверх мятным бризом, рассыпая на головы восторженных зрителей леденцы вперемешку с медовыми пряниками и плодами Малиска. Пусть, даже если я не вернусь, меня вспоминают смехом, а не занудными речами.

– Тебе пора, – суровая ладонь Акуры выхватила меня из кружева облаков и потащила за шкурку в невесть куда. – Прости, девочка, но лучше прийти чуть пораньше, чем опоздать.

Мы оказались на площадке перед высокой горой. Вокруг неё ровным кругом были воткнуты колья, на которые насажены черепа животных. Между ними стояли деревянные идолы. Поднявшийся ветер затейливо звенел колокольчиками, развешанными между ветвей деревьев. Терпкий аромат диких трав смешивался с запахом хлеба и теплом уходящего за горизонт солнца. Закатные лучи, отражаясь от водных струй, стекающих по медным зеркалам, отбрасывали причудливые тени, превращая идолов в танцующих демонов.

Я рассматривала деревянные изваяния, грубо вырезанные из почерневшего от времени дерева, представляющие собой нечто среднее между людьми и зверьми. Понимала, что уже видела их в детских книжках с картинками, видимо, поэтому их искажённые гримасы не вызывали ни трепета, ни ужаса, только любопытство. Вот значит, какое оно, капище Бабы-Яги. Улыбнулась. Всегда любила эту старуху, считая, что её невинно оболгали мои современники. И очень скоро предстояло убедиться, так это или нет. Уж больно созвучны были эти два имени: бабушки Яргли и Яги.

Раздался треск сухой ветки. Я обернулась. На поляну вышел мужчина с татуировкой скорпиона, за ним женщина, на её лице расположилась медведица, за ними шли другие игроки. Мы встали по кругу, каждый напротив своего истукана. Их было тринадцать, как и игроков. За каждым стояло по ребёнку. Двенадцать из них я спасла. И теперь кто-то из них мог стать причиной моей смерти. Нет, так нельзя думать. Поверить в проигрыш – значит проиграть, а я намерена жить. В конце концов, у меня столько планов, что даже двух бессмертий не хватит на их исполнение, что уж говорить о моей, человеческой, жизни.

И вновь подул ветер, принесся вкус соли с побережья. Дети припали на одно колено, кланяясь нам, прежде чем выйти в центр круга. У меня потели ладошки и одновременно бежали мурашки по спине.

Хранители игроков в белых рубахах один за другим вставали на помост, что был высечен в горе, словно булочки-жаворонки на противне, вот-вот готовые отправиться в печь. У меня перехватило горло и предательски выступили слёзы. Украдкой я посмотрела на соперников, за татуировками не было понятно, что за чувства прячутся на их лицах. Стиснула зубы, приказывая себе не раскисать, не сейчас!

Хёси, облачённый в костюм огромной птицы, вручил детям по пучку тлеющей травы, чей дурман, видимо, отключал сознание. Распорядители игр ловили ослабевающие тельца и укладывали на помост, тот медленно вытягивался в гору, словно язык, скрываясь в пасти огромного животного. В потемневшее небо взлетели первые языки пламени. Я прикусила до крови нижнюю губу, стараясь не закричать. Вспомнила, как мне рассказывали, ещё в той, прошлой жизни, что такие пещеры были разделены на две части – внешнюю и внутреннюю. Во внешнюю часть закладывали хворост и разжигали огонь, в то же время дети находились в безопасной внутренней части. Сейчас, глядя, как весело взмывали к звёздам снопы искр, я понимала,

откуда пошло поверье про сжигание сирот заживо, – мало кто догадывался, что специальный механизм опускает каменную плиту на выступ, отделяя углубление с детьми от огня. Но от этого знания не становилось легче.

Там, за стеной огня, был мой друг и надежда Йока, который, опять-таки, по моей милости влип по самое не балуй.

Я тряхнула головой, отгоняя отчаяние, которое наконец-то сумело до меня добраться, но поздно – с этой лодки не сбежишь. Словно ледяной ветер, оно сорвало последние покровы иллюзий, оставив меня наедине с голой реальностью. И в этот же момент, когда я поняла, что падать больше некуда, дно пробито, внутри родилась сила, способная сдвинуть горы. Слишком высоки были ставки, проигрыш равносильен смерти, так что стоило ли лить слёзы по волосам, если к голове уже приставлен топор? По ту сторону меня ждал Морок, жаждущий посадить на золотую цепь. Что ж, пути назад у меня всё равно нет. Значит – улыбаемся и машем! В конце концов, я сама жаловалась на излишне скучную и монотонную жизнь. Так что получите – распишитесь в новом сценарии своей жизни.

Хёси протянул мне факел и указал на одну из высеченных в камне чаш с водой. Я погрузилась в неё с головой, и только факел продолжал чадить в вытянутой вверх руке. Я слышала над собой бормотание, но не могла разобрать слов. Хотела вынырнуть, но не могла, хранитель крепко держал меня под водой. Я сопротивлялась, кричала, выпуская изо рта последние пузырьки воздуха. Было страшно до ломоты в костях, чувала, как виски пробивают набухшие артерии, было жарко и холодно одновременно. Тьма окружала со всех сторон. Я понимала, что это конец, моя игра закончилась, не начавшись. И только чья-то железная рука схватила меня за шкуру, чтобы выкинуть прочь...

Глава 3

Согласись, получить шишкой в лоб не очень приятно, особенно когда лежишь в разнотравье, пытаясь определить, на каком ты свете – том или этом.

– И долго ещё валяться будешь?! – услышала я насмешливый голос. – Может, прекратишь изображать труп, а то мне скучно! – очередная шишка оцарапала щёку. Я открыла глаза, повернула голову, пытаюсь рассмотреть наглеца, вообразившего себя будильником. И нет бы соблазнил запахом горячих бутербродов, так этот пройдоха пошёл простейшим путём. Вот он сидел в метрах десяти, патлатый, тощий оборванец, и нагло скалился, приготавливая очередной снаряд. Если бы не глаза, в жизни не признала бы в этом пацане Йоку.

– Так вот ты какой, великий маг и волшебник, гроза всех окрестных барышень, похититель сердец, артефактов, непримиримый хранитель границ и традиций. Мастер меча и кинжала! – расхохоталась я, перекатываясь на живот, уклоняясь от очередной шишки. – Кинешь в меня ещё раз, и я надеру тебе задницу!

– Ага, – ещё шире расплылся в улыбке Йока. – Как только вернёмся домой, тут же представлю тебе такую возможность. – И тут же улыбка сменилась сосредоточенностью. – А теперь серьёзно. Есть три артефакта. Собранные вместе, они приведут к вершине горы. И есть охраняющие их охотники из ырок и укруптов, большинство игроков погибают от их грязных лап. Заманив в ловушку, заморочив, упыри выпивают человека до последней капли, а после сжигают.

– Зачем? – недоумевала я.

– Дух привязан к телу и не может покинуть своих костей, пока те не истлеют, – криво усмехнулся Йока. – Такой вот акт искупления за насыщение.

– И прах в виде пепла появляется на улицах Абры? Да, весёлая перспективка. Но не будем о грустном, где искать эти артефакты?

– У духов стихий, решив их загадки. И помни: меня видишь только ты. Ни другие игроки, ни зрители меня видеть не могут, разве что Акура – он может всё!

– В смысле зрители? – подскочила я на месте. – Вы же меня на четыре голоса убеждали, что никто не знает, что здесь происходит.

– Не знали, пока Хёси не установил зеркала. Через них и смотрят. Обратила внимание, стоят на капище, по ним ещё вода стекала.

– Угу, – кивнула я.

– Вот, – вновь усмехнулся Йока. – Сейчас весь город на поляне собрался, уже ставки на тебя делают. Ведьма на игрищах! Ради такого можно не один запрет нарушить. Так что подбирай юбки и пошли!

– Куда?

– Надеюсь, в наше светлое будущее, а там как получится! – Йока развернулся и ловко побежал по тропе через березняк. Я, проклиная обрядовые тряпки, путающиеся под ногами, устремилась за ним.

Кто вообще придумал эти юбки? Спасибо хоть без оборок и кружев. И так каждая травинка норовила обвиться вокруг щиколоток, каждый камешек бросался под босые ступни, репейник хватал за руки, и крапива ластилась к телу. Я бежала вверх, стараясь не терять из вида Йоку. Перелезала через поваленные деревья, пробиралась сквозь валежник, пересекала ручьи по скользким брёвнам, теряла и вновь находила блуждающую меж корней тропку. Лучи солнца едва пробивались сквозь густую крону деревьев. Мягкий полумрак играл тенями, вызывая игры разума. Было тревожно. Тихо. Даже птичьих трелей не слышно.

– Прекращай! – резко остановился Йока и повернулся ко мне настолько неожиданно, что я пробежала сквозь него и, споткнувшись, покатила кубарем до ближайшей ели. Ничего себе шуточки!

– Здесь территория снов, – продолжил Йока, указывая пальцем на листья подорожника для моей расшибленной коленки. – Они подчиняются настроению. Твоему настроению! А ты, насколько я понимаю, настроена бояться! Я помню, что ты рассказывала, как долго тебя преследовал один и тот же кошмар. Это не значит, что его нужно овеществлять здесь и сейчас,

если, конечно, ты не хочешь разобраться с ним, пока мы не вошли в первый портал за подсказкой. И да, как и в любом сне, ты можешь выглядеть как пожелаешь, не обязательно таскать на себе этот балахон! Что ж, побороться со страхами в самом начале пути – это достойное решение. Я подожду. – Йока уселся на трухлявое, покрытое мхом дерево, поджал под себя тощие ноги и с интересом уставился за мою спину.

Я всегда умела управлять снами, почти всеми, кроме одного, что снился мне лет с десяти пять раз в неделю и пугал до икоты. И я ни разу не была к нему готова. Только научилась сбегать в другие сны. Что ж, кто-то, видимо, решил, что пора закрыть этот гештальт, а то чего это я просто так по снам шляюсь, а самый незабываемый – игнорю. В конце концов, свершившееся событие парадоксальным образом освобождает нас от иллюзий контроля, заставляя быть готовыми к любым, даже самым неожиданным поворотам судьбы. Это как генеральная репетиция перед спектаклем, который никогда не повторится, и где импровизация становится единственным способом выжить.

Мой страх только что обернулся густым хвойным лесом. Под каждой елью ровным жёлтым светом обозначились яркие пятна фонарей, из-под раскидистых игольчатых лап сверкали волчьи глаза, рваные облака, запутавшись в верхушках деревьев, повисли на них растрёпанной ватой. Ухнул филин, залилась смехом выпь, поляна расплзлась масляным пятном.

Рассохшееся дерево без коры, заскрипев, повернулось ко мне, протянув вперёд узловатые ветви. Я сглотнула, попятилась, упёрлась спиной в непроходимый валежник. Бревно смотрело на меня бельмами глаз, усмехаясь кривым дулом, тянулось в мою сторону, вытаскивая из земли корни.

– Тебя не существует! – прошептала я, зажмурившись, но скрипы дерева убеждали в обратном. Можно было снова сбежать, но тогда, возможно, я застряла бы здесь навсегда. А мне надо суметь вернуться домой! В тот момент я физически ощущала, как соскучилась по друзьям, сосредоточенной на книгах Мира, неунывающему Хёси, уверенности Акуры, по городу – моему прекрасному, нежному, бесконечно беспечному городу с набережной из белого известняка, кафе и облупленными стенами старых домов, скрывающих не один секрет. По запаху: смесью солёного бриза, цветущих каштанов и свежее испечённого хлеба из маленькой булочной на углу.

Хотела вновь потеряться в лабиринте переулков, найти с два десятка уютных двориков, увитых виноградом, где замершее время играет в струях фонтана. Сидеть на парапете, наблюдая за закатом, помогая небу окрашиваться во все оттенки алого и золотого. Я согласна даже на затяжные дожди, пронизывающий ветер и недовольные крики чаек, лишь бы вернуться! Этот город – часть меня, моя душа, моё сердце. И я обязана вновь услышать его голос.

– Тебя не существует! – прошептала я, открыв глаза и встретившись взглядом с бревном, застрявшим корнями в земле. Оно скреблось сучьями о влажную почву, упиралось в кротовьи насыпи, но не могло до меня добраться и, понимая, что я недостижима, издало вопль, от которого заложило уши, и рубашка прилипла к телу, покрывшемуся холодным потом.

Из-под елей начали вылезать длиннолапые волки с человеческими глазами, светящимися так, словно у каждого вместо зрачков было вставлено по солнцу. Вновь ухнул филин, и в образовавшейся за этим тишине заклацали зубы.

Что ж, правильно говорят: будьте осторожнее со своими желаниями! Без точно выверенной формулировки, вместо знойного красавца, скрашивающего ночи, вы получите комара, просто пожелав кого-то внимательного, настойчивого и не дающего спать ночами. В моём случае ирония судьбы, помноженная на моё природное раздолбайство, вылилась в тот самый момент, когда я, уставшая от рутинной работы, сгоряча пожелала «настоящих приключений».

Ну кто знал, что Вселенная воспримет это так буквально? Теперь я, в компании бесплотного духа, продиралась сквозь свои же страхи в поисках артефакта, который, по легенде, испол-

няет желания. Главное, чтобы он моё желание вернуться к нормальной жизни тоже истолковал правильно.

Хуже всего, что инструкция к этому квесту хранилась в моей же собственной голове. А она сидела на плечах сказочницы, трусихи и неисправимой оптимистки, уверенной, что куда меня ни закинь – я выберусь! И даже без фонарика! И, по этой самой причине, естественно, в ней (в инструкции) было полно неточностей и откровенных выдумок, призванных придать хоть какую-то видимость реальности...

А лучший друг, хранитель, только подливал масла в огонь своими едкими комментариями. И самое обидное, что он был прав. Хотя единственное, что сейчас имело значение, – это выжить и, желательно, не стать обедом для самого банального упыря.

В общем, я влипла по самые уши. И по ставшие ватными ноги – тоже. Стоп, ноги! Ведьма я или где? Да, магические вещички сюда притащить нельзя, но способности-то – можно! Я ударила пяткой о землю, взлетела ветром, осыпая нападающих жирными жабами с заячьими ушами, за которыми, под улюлюканье ржущего Йоки, унеслись волки. Сухое дерево заревело, широко распахивая прогнившую пасть, в которую полетела ловко пущенная мной шишка, прорастая внутри бревна новым деревцем.

Посветлело. Лес наполнился птичьими трелями, облака лёгкими пёрышками взмыли вверх. Воздух насытился ароматом цветущих трав. Солнечные лучи, пробившись сквозь листву, рисовали на земле причудливые узоры. Вдалеке слышалось журчание ручья, нашивающего древние сказки.

– Молодец, – улыбнулся Йока и тут же сорвался с места. – Опаздываем, нехорошо! Все пряники без нас съедят!

– Какие пряники? – побежала я за ним следом, пытаюсь не запутаться в юбках.

– Сейчас увидишь! – и с разбега нырнул в озеро. Я полетела за ним, обмирая от восторга, страха и холода. Вода на секунду скрыла от меня небо и выплонула на шумную площадь.

Ярмарка раскинулась под сенью старых дубов, чьи ветви, словно скрюченные пальцы, тянулись к небу. Воздух был пропитан ароматом пряностей и свежееиспечённого хлеба. Справа от меня кукольник показывал представление о заколдованном принце, слева, на пёстром покрывале, скрестив ноги, сидела гадалка с лицом, испещрённым морщинами, заглядывая в хрустальный шар.

Высокие шпили палаток напоминали готические соборы, а торговцы в разноцветных колпаках предлагали амулеты от сглаза и обереги от ночных кошмаров. Шёпот теней, мерцание свечей, загадочные символы – ещё немного, и я уверовала бы в пряничный домик. Хотя, кому я вру? Я и без всего этого верила в сказки, а уж учитывая всё внезапно случившееся, я просто главный сказочный герой, о котором скоро в учебниках писать начнут. В разделе «Чтение на лето: сказки и явь в одном флаконе».

Но несмотря на всю готическую мрачность и мистическую ауру, ярмарка была полна веселья. Звуки музыки, смех детей, крики зазывал – всё это сливалось в единый гул, насыщенный энергией и оптимизмом. Жонглёры подбрасывали в воздух горящие факелы, акробаты срывались с натянутых тросов, чтобы через секунду стащить сладкий пирожок из корзинки торговли, пробежаться по натянутой между палатками верёвке и вновь оказаться над ярмаркой, творя невероятные трюки. И всё это под песни менестрелей о любви и приключениях. Я смотрела, как танцуют люди, едят сладкую вату, торгуются за сувениры и просто наслаждаются жизнью.

– Смотри внимательнее, слушай, – шепнул мне на ухо Йока, параллельно присматриваясь к безделушкам на лотках. – Кто-то из них знает, где скрыта подсказка, а может, и сам артефакт!

– Ха, – ухмыльнулась я. – Каждый путешественник знает, что все новости и сплетни лучше узнавать в таверне. Там, под сенью барной стойки, чужие тайны просто табунами ходят, в поисках тех, кто готов погреть об них уши и сунуть свой длинный рыжий нос в дела, о которых никому ведать не положено! Так что, где тут можно перекусить?

– Вам туда, – махнула рукой бегущая за воздушным змеем девчонка.

– Слышал? – развернулась я в указанном направлении и решительно затопала в сторону огромных дубов.

Ни названия, ни какой-либо вывески не было, как и сомнений, что мы пришли туда, куда следует. Чуть покосившийся, сложенный из неровных камней, но всё ещё держащий форму шара домик с кривой печной трубой, окутанный заманчивыми ароматами и густо увитый плю-

щом стенами, не оставлял сомнений – мы на месте! Дверь, сколоченная из грубых досок, скрипела при каждом открытии, словно жалуясь на свою участь. А чего стояла атмосфера вокруг! Таинственность так и струилась из небольших, светящихся жёлтым светом окошек. Впрочем, внутри таверна оказалась довольно уютной и чистой. Деревянные столы, выскобленные до блеска, литровые кружки, полные пенных напитков, много еды и мало посетителей.

– Чего изволите? – улыбнулась пухлая хозяйка за стойкой.

– Загляни в карман! – шепнул мне на ухо Йока. Сунув руку, я обнаружила несколько монет и, стараясь не выдать удивления, выложила их на тёмную столешницу.

– Жаркое и компот! – расплылась я в улыбке как можно дружелюбнее.

– Тут хватит и на комнату! – быстро сгребла под стол монеты хозяйка. – Я распоряжусь! Не извольте беспокоиться, я обо всём позабочусь!

– Вот и славно, – оскалилась я ещё шире. Я, конечно, могла и на дереве переночевать, но в кровати явно удобнее.

Оглядела столики, выбирая, за какой плюхнуться. В воздухе витал густой запах пива, дыма и пряностей. С потолка свисали пучки трав и сушёных грибов, добавляя таверне ещё больше колдовского очарования. Мне тут определённо нравилось. Страх, некоторое время назад сожравший моё сердце, отступил, передавая в надёжные руки истомы и сладкой усталости. Мясо с тыквой и неизвестными мне приправами наполнило желудок, возвращая оптимизм и веру, что всё закончится хорошо. В конце концов, что я, никогда в неприятности не влипала?! Выжила? Выжила! И чем это приключение должно отличаться от всех остальных? Значит, нечего вешать нос заранее, прорвёмся, но вначале надо выспаться. На столике лежал ключ от комнаты. Хозяйка настоятельно рекомендовала закрыться на три оборота и обещала рассказать за завтраком историю, которая точно меня заинтересует, а возможно, и поможет победить в этом странном конкурсе на выживание. Я, конечно, лучше бы послушала сейчас – как известно, ночь самое время для таинственных приключений, в то время как утро рассеивает страхи, выстраивая прочные стены между мирами.

С другой стороны, когда первые лучи предрассветного солнца пытаются пробиться сквозь плотную завесу ночи, вселенная ещё не готова расстаться со своими секретами. Она цепляется за ускользающую тьму, словно старый скряга за последние монеты. И именно в этот час хрупкого баланса на грани между сном и явью происходят самые невероятные вещи.

В узких переулках, где фонари давно погасли, шуршат крылья неведомых существ. В заброшенных домах, окутанных мраком, слышатся приглушённые голоса, шепчущие забытые истории. На кладбищах, где спят вечным сном ушедшие, призрачные фигуры блуждают между надгробиями, ища покой. Реальность размывается, а воображение берёт верх, рождаются легенды и мифы. Истории о таинственных незнакомцах, появляющихся из ниоткуда и исчезающих в никуда. О проклятых сокровищах, охраняемых духами умерших. О порталах в другие миры, открывающихся в самых неожиданных местах.

Эти истории передаются из уст в уста, обрастая всё новыми подробностями и деталями. Они пугают и завораживают, заставляя нас верить в то, что за пределами привычного мира существует нечто большее. И пока ночь не уступит место дню, эти истории будут жить, напоминая нам о том, что самое интересное происходит тогда, когда мир погружается во тьму. Вот только глаза мои слипались, ноги спотыкались о ступеньки, ведущие на второй этаж к спальням, уши не были готовы слушать о заговорах звёзд и духов. Завтра. Всё самое интересное ждало меня завтра. Ключ повернулся в двери, скрывая меня от реальности в мире снов.

Глава 4

Всякая великая любовь должна заканчиваться трагично, это же классика. Иначе зачем вообще затевать всю эту кутерьму с бабочками в животе и прочей гормональной вакханалией?

Чтобы потом сидеть, попивая чай из сервиза «в цветочек», обсуждать прелести ипотечного кредита и кидать во вселенную кирпичи вопросов «почему я»? Увольте, это слишком скучно даже для меня, а уж я-то знаю толк в скуке. Было у меня такое, аж целых пятнадцать минут. Не понравилось. С тех пор я предпочитаю влипать в приключения, или они в меня, – в общем, все довольны. Хотя без драм не обходится. Вот и сейчас, сидя в пустой таверне, я слушала рассказ хозяйки, едва не забывая прихлёбывать от удивления из кружки горячий ячменный напиток и жевать чудесные пирожки с начинкой чем-то сильно напоминавшим щавель. За окнами первые лучи солнца рисовали причудливые рожицы серебряными нитками паутины, а я пробиралась сквозь запутанную паутину легенды-были о конце года.

– Скоро родится новый год, – чуть растягивая окончания, говорила мне светлоокая хозяйка таверны, на минутку замерев и вновь продолжив что-то толочь в плошке. – Миг, когда тонкая грань между прошлым и будущим станет почти прозрачной и сквозь ледяную пелену проступит отблеск надежды. Каждый год он мерцает в глубине замёрзших рек, напоминая о том, что жизнь, даже под толстым слоем льда, не умирает, но ждёт своего часа. Этой ночью ветер, вечный странник, пел древнюю песню о возрождении. Шептал о тепле, которое обязательно вернётся, о цветах, которые вновь распустятся, о солнце, которое согреет землю. И в этом шёпоте, едва уловимом намёке на будущее, заключена вся суть наступающего года – праздника надежды и обновления. И я очень надеюсь, девочка, что ты и есть тот знак, который мы все так ждём. Смерть отступит от наших домов, и следующий год наш город встретит не в чёрно-белых красках, а в разноцветии лугов и полей.

На горе, за которой скрывается солнце, стоит замок, окружённый тёмным лесом. Когда-то там цвели сады, пели птицы и устраивались весёлые праздники. Молодой князь любил охоту и женщин, щедро одаривал забредавших на гулянья музыкантов звонкой монетой, покровительствовал учёным, интересовался астрономией, но больше всего на свете он боготворил битвы и, надо сказать, не было ему равного в бою. Честно князь служил великим богам, и те благоволили к нему, даже смерть не решалась подойти к одержимому сражением воину, раз за разом отступая от его тени. Шло время, князь старел, виски покрыла седина, тело покрылось шрамами, верный конь всё быстрее уставал и уже не радовался долгим переходам. Решил князь вернуться на родину, обзавестись семьёй, передать знания наследникам. Вот только родовой замок встретил его тишиной. Слишком долго хозяин отсутствовал, покинули слуги его дом, зарос сад, занесло окна песком и пылью. Некому встретить героя, не познавшего ни одного поражения, только ветер гудит в холодных печных трубах да старый клён осыпает красными листьями скрипучее крыльцо.

Но не позволил князь грусти взять над собой вверх, нанял новых слуг, привёл замок в порядок, подлатал прохудившуюся крышу, запалил жаркий огонь в очаге, с удовольствием отметил, что сил не убавилось, вот только девушки от его взгляда смущённо отворачивались, не смели в лицо посмотреть. Так текло время. Клён у порога успел дважды сменить одеяние. И вот настал день, когда одолела князя тоска, закрутила мысли недобрые.

– Что будет, коли помру я, не оставив наследника? Кто продолжит дело моё, кому оставлю замок и богатства несметные? Не останется памяти ни о роде моём, ни о подвигах. Всё смерть приберёт, словно и не было.

И только он так подумал, как пронёсся сквозняк по комнате, выдул уголёк из камина, а тот ударился об пол и предстала перед князем смерть в виде девы огненной.

– Здравствуй, князь, – прошлась смерть по коврам мягким, оставляя на них пепел пожара, как сам князь когда-то оставлял после себя города пожжённые. – Пожил, погулял, пора и честь знать.

Глянул на деву князь, не дрогнул, лишь кубок со сбитнем отставил в сторону. Встал с кресла, аккуратно напротив смерти, усмехнулся, что одного роста оказались.

– Никогда тебя не боялся и теперь не усташусь! – ответил ей с вызовом.

Улыбнулась смерть, чуть прищурилась, разглядывая наглеца, и коснулась ладонью груди князя. Словно нож в мягкое масло, вошли пальцы её в его грудь, огненными тисками сжали сердце и вынули, ещё живое, на свет.

Побледнел князь, испугался, рухнул на колени перед девой, зарылся лицом в пылающие складки её одежды, взмолился:

– Пощади! Прости меня, не признавшего силу твою! Страшно мне, так страшно, как никогда в жизни не было! Сколько боёв было – не сосчитать, сколько раз в глаза твои смотрел – не счесть, ни разу не убоился, а сейчас боюсь! Молю тебя, оставь мне жизнь! Не готов я с тобой пойти!

– Что ж, – осклабилась смерть. – За прямоту твою, за честность, оставлю тебе жизнь на один год! – Подняла она князя с колен, вложила сердце обратно в его грудь, а после глянула так, что князь вновь на ногах не устоял, рухнул, а смерть продолжила: – Каждый год, перед поворотом великого колеса, я буду приходить за тобой. Ты можешь откупиться родной душой: женой, ребёнком, кем пожелаешь. В день, когда никого рядом с тобой не окажется, ты пойдёшь со мной.

И снова ветер пронёсся по комнатам, засмеялась дева, закружилась огненным вихрем и рассыпалась пеплом. А князь так и остался сидеть на полу, подперев руками голову.

* * *

Чёрный кот с жёлтыми, как луны, глазами осторожно ступал по заснеженным тропам. Он знал, что родившийся год откроет глаза и увидит тусклое зимнее солнце, что ненадолго поднимется из-за замёрзшего горизонта, чтобы осветить бескрайнюю белую равнину. Мир, где есть только стынь, пронизывающая всё вокруг, сизой наледью оседающая на ободке колеса года. А ещё кот знал, что стужа не вечна и весна неизбежно приходит на смену зиме. Хотя даже боги не рискнут предсказать грядущего. Но сегодня в блеклом свете наступающего утра, сквозь вой стылой метели и скрип колючего снега слышалось эхо иного мира, совсем не похожего на вмёрзшую в лёд реальность. И это было прекрасно. Заснеженные поля вновь заколышутся разнотравьем, а в тёмной воде озёр отразится огромное яркое солнце. Скоро большое колесо года повернётся. И большой чёрный кот проследит за тем, чтоб всё шло так, как должно.

* * *

Утро было ярким. Солнце припекало так, словно решило обогнать весну и сразу вступить в лето. Князь проснулся в своей постели и решил, что всё произошедшее не более чем сон, вот только пепел на коврах да выжженная на столе руна «Треба» не оставляли сомнений, что всё наяву случилось.

– Что ж, – принял решение князь. – Видимо, необходима была мне эта встряска. Права смерть, нечего рассиживаться, женюсь и ребёнка успею родить, а там пойду со спокойной душой к праотцам. Стыдиться нечего. Жизнь прожил хорошую, не на что жаловаться. Да и подустал немного, чего скрывать. И раны перед дождём стонут. Пора уступать место молодым.

Сказано – сделано. Подыскал хорошую девушку, свадьбу сыграл, зажили они в согласии да уважении. И с каждым днём находил князь у избранницы своей всё новые достоинства и полюбил всем сердцем, ничего не жалея для молодой жены. А в положенный срок и первенец родился. Так князь закатил такой праздник – неделю весь город гулял.

А солнце поднималось всё выше, всё длиннее становился день, и с каждым днём становился мрачнее князь. Уж очень ему не хотелось расставаться с женой да сыном, только-только жизнь начала раскрывать ему тайны незамысловатого счастья любви, щемления сердца, радости от простой улыбки, прикосновения, звука. Одолевали князя мрачные мысли, да как перехитрить смерть – не ведал. Сколько книг перечитал, к каким магам да колдунам не обращался, везде ответ один был: смирись. Только не привык князь без боя сдаваться, решил отпор дать. Наточил свой верный меч, жене велел весь день в своих покоях сидеть и, чтобы ни случилось, не выходить и дитя от себя не отпускать. Сам же сел у камина ждать гостью.

Не заставила смерть долго себя дожидаться, распахнула окно, влетела снежной метелью, закружила по комнате и предстала перед князем ледяною девою.

– Здравствуй, князь! – улыбнулась смерть, разглядывая меч. – Вижу, заждался меня. Ну что, сам пойдёшь со мной или отдашь за себя кого? А на меч не надейся, он давно проржавел!

Вскочил князь, замахнулся мечом, да рассыпался тот мелкой ржой, одна рукоять и осталась. Рассмеялась смерть, положила руки свои белые князю на плечи, приподнялась на цыпочки да и поцеловала в лоб, как дитя неразумное.

Похолодел князь, испугался пуще прежнего, словно не меч только что ржой рассыпался, а он, князь, ледяною глыбой стал и теперь рассыпается отдельными кристаллами, поблёскивая острыми гранями в ярких солнечных лучах.

– Постой, – едва слышно взмолился князь. – Не могу я с тобой пойти, страшно, мочи нет! Оставь мне жизнь мою, есть рядом со мной другая душа, её возьми, жены моей! Позволь

увидеть, как сын мой растёт, как на коня сядет, как первую стрелу пустит! Не могу больше терпеть, пощади!

– То-то же, – усмехнулась смерть. – Все вы храбры, пока не коснёшься сердца. – Отпустила смерть князя. Рухнул тот на ковры свои богатые, словно мешок, вцепился пальцами в толстый ворс да и замер в бесчувствии. А смерть пронеслась белым вихрем по комнате, затушила огонь в камине да и вылетела в окно, прихватив жизнь молодой княжны.

Во всём городе был объявлен траур. Седой князь долго сидел у могилы жены, просил прощения, что не сберёг, плакал, безмолвно вопрошая небо, за что именно ему дано такое испытание. Неужто он плохо служил своим богам, или жертвенники недостаточно были полны, а может, провинился в чём? Но молчало небо, лишь ветер шелестел в голых ветвях да птицы приветствовали новый день.

Князь повелел пошить себе новый кафтан из чёрного сукна в знак вечного траура да расшить его тёмно-жёлтыми нитями, чтоб никогда не забывать о содеянном. С тех пор так и прозвали его – тёмный князь. А уж дальше он полностью оправдал своё новое имя.

Хозяйка трактира прервала рассказ, пересыпала толчёное пшено в горшочек, а в ступку насыпала нового, положила на него кусочек масла и чуть добавила молока. Обтёрла пестик. Что-то ему прошептала и вновь опустила в ступку, продолжая работу. Я не торопила. Йока был прав. Нас ждало новое задание, и я уже понимала, какое.

* * *

– Я редкостная балбеска! – удручённо призналась я радостно закивавшему Йоке, удобно устроившемуся на бочке с пластовой капустой. – Ведь ты предупреждал, что в этом мире всё может быть так, как я захочу, и я захотела бояться, поиграть со смертью. Идиотка! Почему я не выбрала квест с танцующими белочками или, на худой конец, пони, бегущих по радуге? Разве это не говорит о моёй, мягко говоря, не гениальности?

– Разумеется, но зачем так переживать? У тебя масса других достоинств! – Йока засунул руку в бочку, выбирая кусок пожирнее.

– Каких, например? – с интересом поинтересовалась я, подозревая подвох. Обычно, когда кто-то пытается меня утешить, перечисляя мои достоинства, список ограничивается умением не падать в обморок при виде паука и способностью отличать вилок от ложки.

– О, тут целый букет! – жизнерадостно воскликнул мой малолетний хранитель, поправляя воображаемые очки на переносице, разглядывая квашеный улов. – Во-первых, ты креативна в своих провалах. Не каждый способен с таким размахом вляпаться в историю. Во-вторых, у тебя удивительная способность притягивать неприятности. Это, знаешь ли, своего рода талант. И наконец, ты невероятно... э-э-э... находчива в поисках выхода из этих самых неприятностей. Пусть и не всегда успешно. Зато как весело! И, если честно, я безумно тебе за это благодарен. Никогда в жизни я бы не получил такого шикарного опыта хранителя! И уверен, что больше никто не получит!

Я вздохнула. Это звучало как комплимент от очень оптимистичного патологоанатома. Впрочем, выбора у меня особо не было. Приходилось принимать свою кретинскую сущность как данность и пытаться найти хоть какой-то смысл в происходящем балагане.

– Ладно, – ответила я, попутно грозя кулаком Йоке, аккуратно раскладывающему листы капусты по всем стульям, стараясь не заржать. По здешним приметам, сесть на капустный лист в конце года – значит получить индульгенцию от бесплодия на весь следующий. Каждый акт любви – вызов аиста безотлагательно. Представляю, какой будет ажиотаж. Одни постараются пересидеть на всех стульях, желательно одновременно, другим придётся есть стоя или идти морозить пятую точку в проруби, чтоб этот способ детопорождения не сработал. И нет, просто сесть на вилки капусты нельзя. Это должна быть случайная находка.

– Ты представляешь, в какую именно историю я умудрилась вляпаться на этот раз? Игры со смертью не шутка! И, если честно, я уже сбилась со счёта, сколько раз она за мной приходила!

Йока лишь загадочно улыбнулся.

– О, эта история особенная. В ней есть магия, любовь, чёрные коты и... – он сделал драматическую паузу – ...отсутствие логики. В общем, всё, как ты любишь... И потом, не забывай, у тебя есть я – самый главный талисман, спаситель, хранитель и оберегатель.

Я только вздохнула. Если бы Йока был ангелом, то в его крыльях точно имелись бы проплешины – сколько раз он спасал мне жизнь. Но он не ангел, а малолетний воришка с тысячелетним опытом. Вредный задира, невозмутимый воин и лучший в мире хранитель. Если уж и доверять кому свою жизнь в этой передрыге, то только ему. Если бы только он не изводил меня своими подозрениями в моей полной несостоятельности выжить без надзора хранителей границ, сама бы надела ему нимб на голову. Но пока что возникало исключительно желание напихать в его штаны крапивы. Но я отвлеклась...

Всякая великая любовь просто обязана заканчиваться трагично, это же классика. Иначе это не великая любовь, а какая-то скучная бытовуха, достойная разве что унылых романов про то, как он чинит кран, а она печёт пироги. Нет уж, увольте. Великая любовь – это когда один летит в жерло вулкана, чтобы доказать другому, что он не трус, а другой в это время плетёт лапти из волос первого, оплакивая его неминуемую гибель. Ну или что-то в этом роде.

По крайней мере, именно так я всегда считала, попивая очередной кофе в компании с Мирой, пока она не заявила, что классика – это, конечно, хорошо, но иногда хочется чего-нибудь новенького. Например, великой любви, которая закончится походом в кино на комедию с поеданием попкорна.

Я, честно говоря, в тот раз едва не подавилась кофе от такого откровения.

– Мира! – едва откашлялась я. – Ты хочешь сказать, что готова отказаться от трагического финала ради... попкорна?!

Она спокойно пожала плечами.

– Ну, не совсем ради попкорна. Просто, знаешь, надоело каждый раз придумывать, как бы красивее умереть. То демоны, то проклятия, то банальная аллергия на экзотические фрукты... Хочется чего-то более... предсказуемого.

Признаюсь, я задумалась. Её словам, как всегда, сопутствовала логика. В отличие от меня, живущей эмоциями и сердцем, Мира чётко взвешивала и препарировала каждое действие с такой тщательностью, что шанса вляпаться, как я, в неприятности для неё просто не существовало. Но в конце концов даже самым великим героям иногда хочется просто пожить спокойно, без всяких там трагических надрывов.

– Ладно, – согласилась я тогда, даже не подозревая, к чему может привести этот разговор. Я ведь великий мастер протаскивать в мир все желания, даже не свои. – Давай попробуем. Но если что, я первая скажу, что классика всё-таки лучше! – Мира лишь мечтательно улыбнулась на этот выпад от младшей сестрёнки. – Договорились. Главное, чтобы попкорн был свежий.

Что ж, дорогая моя сестрица, доставай попкорн, устраивайся поудобнее перед зеркалами на капище Свари и смотри увлекательное кино со мной в главной роли. Не дам гарантий, что будет смешно, но точно увлекательно. Хотя я уверена, что тебя и так с той поляны клещами не вытащишь. И да, ещё раз: бойтесь своих желаний, они сбываются. Теперь я это точно знаю!

* * *

Чёрный кот аккуратно шагал по заснеженным крышам. Он знал, что было, что будет и то, что возможно осуществится, если приложить некоторые усилия. Скоро первые лучи бледного солнца коснутся земли, и начнётся таинство. В каждом доме, в каждом сердце, сохранившем огонь надежды, зажгутся свечи. Огонь – символ жизни, символ тепла, символ того, что даже

в самой глубокой тьме есть свет. И этот свет будет гореть, напоминая о том, что весна обязательно придёт, что за зимой последует лето, за ночью – день.

Большой чёрный кот заглянет в окна, оставит следы на крыльце, и тот, кто успеет их сохранить, аккуратно переместив в ледник, будет уверен, что это лучший оберег на весь год, что его семья под защитой самого Велеса.

А когда солнце поднимется над горизонтом, развеивая тьму, в воздухе появится слабый аромат весны. Это будет лишь намёк, лишь обещание, но этого будет достаточно, чтобы вселить надежду в сердца людей, что даже в самой глубокой тьме есть свет и что этот свет обязательно победит.

* * *

Не прошло и месяца, как князь вновь женился. Горожане пошептались и перестали – всё же маленькому наследнику нужна мать, а вдовцу просто необходимо переключиться, чтоб не сойти с ума. Тихо прожили молодожёны год. Юная жена обладала покладистым характером, не требовала невозможного и всем сердцем привязалась к княжичу. Старый князь ни в чём не отказывал жене, как мог баловал. Но шло время, повернулось колесо с зимы на весну. Снова день отвоёвывал минутки у ночи. И чем длиннее становился день, тем мрачнее становился князь.

Решил он обмануть смерть, не остался в замке на холме, сбежал в старую медвежью берлогу, надеясь, что там его не найдёт владычица вечной тишины. Просидел в берлоге несколько дней – не пришла за князем смерть. Воодушевился владыка, обрадовался, а вернувшись в замок, застал его в безмолвии. Все зеркала тёмной тканью занавешены, у слуг лица опухшие да глаза от слёз красные. Кинулась челядь ему в ноги, виниться начала, что не уберегли молодую княжну, не проснулась она утром, как ни будили, как ни звали, тихо, мирно во сне ушла.

Завыл барон, покатылся по коврам богатым, словно зверь какой, но делать нечего. Схоронил жену. Посудачили городские жители о таком странном совпадении – в один день с разницей в год потерял князь двух жён, – да и успокоились. Мало ли чего в жизни не случается.

Долго князь горевал, запивал горе хмельным вином, видеть никого не хотел, только с сыном и общался. Но взяла жизнь своё. Появилась в замке ещё одна женщина. Да такая ловкая, что вскоре все ключи от кладовых в её маленьких ручках оказались. Но одно дело чужие богатства в сундуках пересчитывать, а другое – самой хозяйкой стать. Очаровала она и слуг, и мальчика, а через него и к князю подобралась. Незадолго до нового года новую свадьбу в замке сыграли. Князь нарадоваться не мог на молодую жену, во всём ей потакая, и только городские шептались, что не простая то баба – ведьма настоящая. Сокрушались, жалели старого князя и его сына, мол, сживёт их со свету новая хозяйка. Не верили в её доброту да ласковую улыбку, мол, не та она, за кого себя выдаёт.

И вновь повернулось колесо. Взметнулся в небо огонь погребального костра. Схоронил князь жену и на этот раз не проронил ни одной слезы. Молча развернулся и прочь пошёл. Через месяц объявил, что желает вновь вступить в брак. Большие деньги сулил. Только вот ползли слухи по городу, что привёз князь из дальних стран проклятие, видно прогневил богов, и лишили его мстительные вершители судеб семейного счастья. Ни один отец не соглашался выдать за князя свою дочь, все матери закрывали ставни своих домов при его приближении. Ни одна нищенка не соглашалась пойти с ним под венец.

Отцвела весна, промчалось лето, осыпалась золотой листвой осень, снег покрыл поля, а князь так и не нашёл новую хозяйку замка.

– Что ж, – решил князь, – значит, так и быть. Я прожил хорошую жизнь, не стыдно предстать пред очи предков. Раз уж пришло моё время, значит, быть по сему.

Мягко растекалось тепло по комнате от горящих в камине дров, на ковре, у ног князя, играл его подросший сын. Морозная ночь рисовала на окнах узоры. Мир установился в душе князя, смирившегося с неизбежным.

– Господин, – просунулась в приоткрытую дверь голова слуги. – Внизу стоит девушка, просится переночевать. Я хотел прогнать её, думая, что она может быть одной из разбойников, что орудуют в соседнем лесу, но всё же решил спросить вас.

– Проводи её ко мне, – велел князь, в одночасье передумавший помирать.

И вновь город украсился разноцветными гирляндами, шумно праздновал очередную свадьбу князь. Но как только повернулось колесо, легла в фамильный склеп князя очередная жена.

Хозяйка трактира закончила с пшеном и принялась ловко шинковать грибы. Я не торопила её с продолжением истории, мысли в моей голове и так скакали ополоумевшими солнечными зайчиками. Сейчас, наверняка, она взглянет на меня полными скорби глазами и трагическим голосом «а-ля Пьеро» задвинет речь, как они ждали долгие годы героя, что избавит их от княжеского проклятья. Почему-то вариант «а пусть уже князь отправится вслед за многочисленными жёнами» не рассматривался горожанами, словно избавься они от него, и гнев богов распространится на всех остальных.

– А что ты хотела, – шагал рядом со мной Йока по хрусткому снегу, подкидывая на ладони честно одолженную у какого-то раззявы монету. Надо будет разузнать, как вообще бесплотному духу удаются все эти фокусы. Но пока что не до этого, а мой малолетний хранитель тем временем продолжил: – Ты ведьма, Лиса, с тебя спрос выше. Какой толк заставлять тебя собирать утреннюю росу с полей или побеждать медведя? С одним ты подружишься, другим умоешься, а тут игры с самой Марой! Спасти князя, город, снять проклятие, если оно есть, конечно.

– Ага, огласите весь список испытаний, пожалуйста, – бурчу я, проваливаясь по щиколотку в лужу, скрытую под тонкой корочкой снега. Писец один не подкрадывается, верно? Он, как правило, приходит с граблями и бубнами, требуя плясок и прославления. Ведь что нас не убивает, то... ну вы поняли, осталось только выяснить, как не отправиться к предкам несколько раньше, чем рассчитывала.

– И что мне делать? – уселась я на ближайший пенёк, меняя носки на сухие.

– Всё просто, – вновь подбросил вверх монету Йока, любясь её блеском в солнечных лучах. – Выйти замуж, стать щитом для князя, придумать, как договориться со смертью, победить, и вуаля – мы досрочно переходим во второй тур!

– Чего? – я чуть не свалилась с пенёка от такой перспективы развития своего ближайшего будущего. – Целоваться с этим аналогом Синей Бороды?! Нет уж, увольте!

Монетка упала в снег ребром.

– Какой Синей Бороды? Он же бритый! – искренне удивился Йока, подбирая монетку и пряча в призрачный карман. Я ударила себя ладонью в лоб и горестно вздохнула. Конечно, во всех мирах истории повторяются, но, как говорится, со своими нюансами. Тут всё проще, не нужно просить жену совать свой любопытный нос куда не следует, просто переворачиваем календарь, и о-па – ты уже вдовец, и вроде даже ни при чём. Так, невинная жертва, почти. Вот только мне от этого не легче.

– А если мы, то есть я, не пойду спасать этого господина, то что? – наконец справилась со шнурками на ботинках и притворно бодро и весело притопнула ногами.

– Да ничего, – пожал плечами Йока. – Скорее всего, просто сойдём с ума, каждое утро выслушивая одну и ту же историю. Ты будешь бесконечно проваливаться в лужу, рассуждать о нежелании принять испытание, а я стану выть на болотах от тоски, породив ещё одну легенду об ужасных предрассветных чудовищах. Хотя нет, я, пожалуй, подамся в разбойники. Сколочу банду из призраков и выведаю наконец какую-нибудь из запретных тайн, из тех, что живым знать не полагается!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.